

Глава 1

Ключ не сразу вошел в замочную скважину. Женщина спешила, нервничала, у нее подрагивали руки. Справившись наконец с тугим незнакомым замком, она приотворила дверь и в последний раз бросила настороженный взгляд на пустую лестничную площадку. Впрочем, подсматривать было некому. Дверь на последнем, девятом, этаже имелась всего одна. Ту, что располагалась напротив, соседи замуровали, когда делали большой ремонт. Их квартира — особой, элитной планировки — имела выход также в следующий подъезд, и они почему-то решили ограничиться им. Эти подробности Михаил сообщил сразу, как только женщина усомнилась, не будут ли за ними следить излишне любопытные соседи.

— А даже если бы кто-то и увидел нас, — мужчина улыбался, пытаясь все обратить в шутку, хотя было видно, что он уязвлен ее нерешительностью, — что тут такого? Теперь не Средние века, в Москве неверных жен живьем в землю не закапывают! Чего ты боишься?

Тогда Елена очень хотела поспорить с ним, доказывая, что причин для опасений множество, но сдержалась, решив, что все они касаются только ее, и делиться ими с человеком, который все еще не был ей очень близок, не стоит. Укололо и то, что Михаил так уверенно заранее назвал ее неверной женой, хотя пока она мужу не изменила. Он как будто праздновал победу, не сомневаясь в своей власти над женщиной, которая до сих пор ему не принадлежала. «Но ведь мы с ним взрослые люди, и когда мужчина дает женщине ключ от квартиры, где они условились

Анна Малышева

впервые встретиться наедине, оба понимают, чем все закончится. Особенно если муж этой женщины на несколько дней уехал в командировку...»

Все очень походило на анекдот, слагаемые банальной супружеской измены были налицо, но Елена не могла заставить себя даже улыбнуться, увидеть в этой ситуации смешную сторону. Ей в самом деле было страшно, и ключ она приняла только после долгих колебаний... Но в тот миг, когда скжала его в кулаке, крепко, так что скрипнула кожа новенькой перчатки, поняла — на свидание придется обязательно.

И вот Елена стояла на пороге квартиры, чутко прислушиваясь к тишине, царившей на лестнице, — удивительной тишине, даже если учесть, что в это время все взрослые обитатели дома должны быть на работе. «Но ведь есть еще маленькие дети, их матери, бабушки и дедушки, собаки, с которыми надо гулять, и бог знает кто еще! А здесь так тихо, будто все вымерло. Хоть бы музыка послышалась где-то или дрель, на худой конец...»

Елена выругала себя за излишнюю мнительность и переступила наконец порог квартиры. Закрыла дверь и с трудом удержалась от желания припасть ухом к косяку и снова прислушаться. «Так можно с ума сойти! Не думаю ведь я, что Руслан за мной следит!»

Она и правда не подозревала мужа в слежке, больше того — пришла к убеждению, что от него вообще ускользнули перемены в ее настроении. Он был так поглощен работой, что женщине становилось жутко, когда поздно вечером, за ужином, она встречала его остекленевший, невыразительный взгляд, взгляд смертельно уставшего человека. Елена торопливо спрашивала, нравится ли ему еда, муж изумленно опускал глаза в тарелку, будто впервые обнаружив, что на ней имеется что-то, кроме узоров, и кивал: «Да, хорошо, прости, задумался...» После ужина он неохотно тащился в душ, вернувшись, падал на постель и полчаса все тем же остекленевшим взглядом смо-

САЛОМЕЯ

трел в экран телевизора. Это было единственное время, когда они могли бы общаться, но, зная, как он устал, Елена никогда к нему не присоединялась, ни о чем не расспрашивала. Засыпал Руслан незаметно — для себя и для нее. Просто в какой-то момент, заглянув в спальню, Елена слышала прерывистый, свистящий, тоже будто замученный храп и выключала телевизор.

Все это с маниакальной точностью, из вечера в вечер, повторялось последние несколько лет. У Елены появилось и уже не исчезало ощущение, что она мужу попросту не нужна. Руслан каждый раз как будто удивлялся, выходя из своего вечернего ступора и натыкаясь на нее взглядом, и в этом удивлении совсем не было радости. «Рядом с ним могла быть любая другая женщина, и он бы не протестовал... — Такие крамольные мысли не раз приходили ей в голову, в те тягостные вечера, когда они с мужем едва обменивались парой слов. — Приносил бы ей деньги, бормотал что-то при встрече вечером и на прощание, по утрам...» Единственной темой, на которую они с мужем продолжали разговаривать более или менее связно, был сын, девятилетний Артем. Год назад отец неожиданно проявил инициативу и устроил мальчика в футбольную школу, из-за чего ребенку пришлось переехать за город и жить в интернате. Первой реакцией Елены было резкое возмущение, потом, когда она убедилась, что сын от такого переезда в восторге, ни на что не жалуется и почти не скучает, женщина заняла выжидательную позицию. Тренер хвалил Артема, школьная успеваемость у него, вопреки ожиданиям матери, не снизилась, а здоровье от постоянной беготни на воздухе даже значительно укрепилось. Но Елена все ждала, когда настанет момент ее триумфа и ей в объятья бросится зареванное, несчастное чадо, умоляющее забрать его домой. Она уже сама не понимала, чего тут было больше — оскорбленного разлукой материнского чувства, глухого раздражения против мужской солидарности, тревоги и тоски по сыну... Сознание собственной

Анна Малышева

ненужности усугублялось каждый раз, когда она приезжала в школу и убеждалась, что сын вполне счастлив. Ездила Елена часто, благо дорога не отнимала больше часа на машине. Ездила, пока однажды сын, оглядываясь через плечо на дико орущих товарищей, гоняющих мяч по растоптанному мокрому полю, не попросил ее:

— Ма, в другой раз приезжай в воскресенье, ладно?

Был вторник. Так, одной фразой, сын зачеркнул свидания в четверг и в субботу. Этот график — четыре посещения в неделю — Елена соблюдала свято и жалела о том, что не может приезжать каждый день, иначе не осталось бы времени на домашнее хозяйство. На обратном пути она плакала, вцепившись в руль и почти не видя дороги. Это было тем более опасно, что где-то впереди случилась авария, отчего машины на шоссе сгрудились безобразной кучей и медленно ползли в сторону центра. Тут приходилось смотреть в оба, особо нервные и торопливые водители резко меняли ряды, не всегда при этом включая поворотники. Елена уже никуда не спешила. Она вытерла глаза бумажным платочком, скомкав, швырнула его под ноги и с неожиданной злостью поклялась отныне жить для себя, понравится это кому-то или нет.

Судьба как будто подслушала это обещание, данное сгоряча и назло. В ближайшие десять минут женщина с трепетом обнаружила, что у нее перегревается мотор. Машину давно следовало показать в автосервисе, знакомый мастер предупреждал, что на низких скоростях, в пробках, могут быть проблемы, но у Елены руки не доходили заняться своей верной шестилетней «девяткой», кстати, ни разу всерьез не ломавшейся. И сейчас она с тревогой следила за датчиком температуры двигателя. Судя по цифрам, температура становилась критической. Когда из-под капота показался сизый дымок, женщина чертыхнулась. В таком переплете ей еще бывать не доводилось — час пик на битком набитом шоссе, где-то впереди крупная авария, из-за которой машины вынуждены тащиться по трем поло-

САЛОМЕЯ

сам вместо четырех, да тут еще всем придется объезжать ее задымившуюся «девятку»... Елена включила аварийку, заглушила двигатель и, выскочив наружу, открыла капот. Она старалась не слушать эпитетов, которыми сыпали водители, пытавшиеся объехать ее справа, — как назло, она перекрыла крайний левый ряд, который до сих пор еще как-то двигался. Тот октябрьский день выдался теплым, стекла в окнах были опущены, так что женщина волей-неволей слышала все, что о ней говорили.

«Ну конечно, будь на моем месте мужчина, ему бы сочувствовали, а тут только и шипят: “Баба, баба!” Как будто только у женщины могло такое случиться!» Она уже собиралась вернуться в машину, чтобы снова взглянуть на датчик температуры, когда вдруг обнаружила, что рассматривает двигатель не одна. За спиной стоял мужчина лет сорока, одетый очень легко, не по погоде — в шорты и полосатую футболку. Его красный спортивный автомобиль замер позади «девятки», и Елена, внутренне содрогнувшись, приготовилась услышать что-то неприятное в свой адрес. Однако мужчина понимающе кивнул, встретив ее жалобный взгляд:

— Гидромуфта полетела?

— Скорее всего. — Она оглянулась на открытый капот. — Мне механик это предсказывал, советовал заменить, но все не было времени...

— Что ж, будете ждать, когда двигатель остынет, или эвакуатор вызовете? Все равно далеко не уедете.

— Голова кругом. — Елена растерянно оглядела медленно ползущий поток машин. Но он уже не вызывал у нее такого ужаса, дружеское участие случайно встреченного человека разом сняло стресс. — Сперва все же попробую выбраться на обочину, а там погляжу... Может, доползу до автосервиса.

У нее не было никакого желания оплачивать услуги эвакуатора, с деньгами в семье в последнее время было не густо. Свекровь попала в больницу, и ее лечение об-

Анна Малышева

ходилось дорого, спортивная школа сына тоже все время требовала расходов. Подоспели платежи по нескольким кредитам, дамокловым мечом висел ремонт в ванной, о котором супруги говорили уже несколько лет и на который никак не могли решиться... Елена криво улыбнулась, представив, какую брешь пробьет в бюджете эта авария. Случайный знакомый будто прочел ее мысли и неожиданно предложил:

— Хотите, позвоню приятелю, он как раз эвакуирует машины? Мне он кое-что должен, так что ваше авто доставит в ремонт бесплатно.

— Это... — растерялась Елена, сраженная его великолепием, — ...было бы даже слишком хорошо! Но как-то неловко, мы даже не знакомы...

Она что-то еще мямлила, твердя какие-то не свои слова, будто повторяя истины, которые когда-то внушала ей мать, — не принимать подарков от незнакомых мужчин, не знакомиться на улице, не, не, не... И вдруг, когда женщина внезапно вспомнила свое детство и юность, задущенные сухими правилами и строгими запретами, ей стало так обидно и горько, будто она обнаружила, что ее обокрали. Мужчина, который стоял рядом и выжидавше на нее смотрел, явно не был маньяком и вряд ли относился к категории хамов, которые требуют весьма определенной платы за добрые услуги. Он просто хотел помочь. Елена прочла это на его лице, удивительно открытом и приятном.

— Ну, так что? — весело переспросил тот, видя ее колебания.

— Знаете, я согласна. — Решившись, Елена почувствовала себя легко, словно ее вдруг освободили от старого, мучительного долга. — Нужно признать честно, сама я не справлюсь!

Следующий час она провела сидя в машине Михаила — так звали ее спасителя. В ожидании эвакуатора они болтали сперва о машинах, потом об идиотах на дорогах, а после вообще обо всем, что приходило в голову. Елена

САЛОМЕЯ

не могла припомнить, когда и с кем так быстро находила общий язык. Это было удивительное чувство, она будто встретила старого хорошего друга, скажем, сокурсника или одноклассника, с которым и прежде могла обсуждать любые темы и делиться проблемами... Да только такого друга мужского пола у нее в прошлом не было, а единственная подруга, с которой Елена могла пооткровенничать, недавно в очередной раз вышла замуж, впервые забеременела и теперь была слишком занята собой.

— Странно, я как будто давно вас знаю! — уже спустя полчаса вырвалось у нее. Невольное признание не смущило Елену, вообще смущавшуюся очень легко, и это тоже не вписывалось в норму.

Михаил рассмеялся:

— Вообще-то так и есть. Не удивляйтесь! Мы с вами ездим по этой дороге в одно и то же время уже... дай бог памяти... с апреля! Я даже вычислил дни, когда вас вероятнее всего встретить в пробке — по выходным или во вторник, вот как сегодня...

— Или в четверг, — разом помрачнев, добавила Елена. — Да, верно, я начиная с марта ездила за город в эти дни. Но теперь не придется так часто.

— Извините за любопытство, что-то случилось? Вы прямо в лице переменились!

— Ничего, — сухо ответила женщина. И, поколебавшись, добавила: — С ребенком проблемы.

Ей думалось, что этим заявлением она сразу выстроит некую дистанцию между собой и мужчиной, который явно испытывал к ней интерес. Вышло иначе. Михаил, ничуть не смущившись ее резким тоном, поддержал тему и признался, что тоже испытывает трудности, общаясь по выходным с дочерью-подростком.

— Я ведь воскресный пapa, а это, знаете... нечто вроде условно освобожденного преступника, — горько пошутил он. — Тебя все время подозревают в чем-то, никак не угодишь. То мало любишь дочь, то слишком ее балу-

Анна Малышева

ешь, то зачем такие дорогие подарки, то где обещанные деньги на теннисную секцию... А в общем, чувствуешь себя просто дойной коровой, и девчонка, что обидно, смотрит на тебя так же.

Разговор на интересную тему прервало прибытие эвакуатора. Он полностью перекрыл движение, и Елена пережила несколько особенно неприятных моментов, чувствуя себя главным лицом дорожной драмы, которую представляет собой любое подмосковное шоссе в час пик. Однако все было кончено в считаные минуты. «Девятка» отправилась в мастерскую, а Елена, горячо благодарившая своего спасителя, вновь приняла его помочь и предложение подвезти до дома. Они обменялись телефонами на прощание. Пригласить нового знакомого на кофе женщина не решилась, так как увидела во дворе машину Руслана. В тот день он, против обыкновения, вернулся с работы рано. Михаил, впрочем, тут же понял эту заминку и легко предложил встретиться еще раз, в более спокойной обстановке.

Елене с самого начала казалось неловким в чем-то ему отказывать, как-никак, их знакомство началось с того, что Михаил оказал ей крупную услугу. К счастью, мужчина ни на чем из ряда вон выходящем не настаивал. Первое свидание прошло в модном кафе, куда Елена никогда не заглянула бы по собственной инициативе. И не только из-за бешеных цен. Она всегда побаивалась заведений, где все к чему-то обязывает — «креативный» интерьер, живая музыка, скорбные лица официантов. Ей было непросто отвлечься от обстановки и поддержать беседу. Кавалер заметил это, и следующую встречу назначил в менее пафосном месте. Он был внимателен, и это подкупало. Не торопился сам и не торопил ее, и Елена была рада, что ей не приходится вдаваться в неловкие объяснения, почему она не может лечь в постель с едва знакомым человеком, хотя он ей и нравится.

Михаил не просто нравился ей, он с каждым днем занимал все большее место в ее мыслях, и она уже ничего

САЛОМЕЯ

не могла с собой поделать. Женщине казалось, что этот процесс идет сам собой, нарастаая, подобно снежному кому, катящемуся с горы, а ей оставалась только роль наблюдателя, почти постороннего. Она уже понимала, что где-то впереди маячат неизбежные последствия этого увлечения: супружеская измена и с нею — скандалы, ссоры, даже (немыслимое!) развод. Руслан не был ревнивцем, да и попросту слишком уставал, чтобы следить за женой, но и он не мог не заметить, что в последнее время Елена изменилась. Даже как-то спросил за ужином, повергнув жену в немалое смущение:

— Что с тобой случилось?

— С чего ты взял? — нервно возразила она, отворачивая вдруг загоревшееся лицо. Это было перед Новым годом, Елена как раз обдумывала, что купить в подарок Михею, и не сразу услышала обращенную к ней просьбу мужа подать на стол горчицу.

Они с Михаилом давно перешли на «ты», счет свиданиям перевалил за второй десяток, но на этом отношения словно застопорились. Накал взаимного интереса лишь возрастал, но связка отчего-то не наступала. Михаил не форсировал события, Елена и подавно не стремилась что-то менять. Ей было страшно перейти к решающей стадии романа, как будто это могло роковым образом нарушить установившееся равновесие. Женщине нравилось, что за ней ухаживают, она с удовольствием отмечала все признаки влюбленности, которые демонстрировал ее приятель... Но сделать последний шаг не решалась.

А вот подарок Елена хотела подарить такой, чтобы он запомнился и ясно сказал о ее чувствах. Но что и как подарить человеку, который с каждым днем становится тебе все дороже? Елена сама не понимала, что ценит в нем больше — потенциального любовника или уже состоявшегося друга? Да, он уже стал ее настоящим другом, знал о ней все, с готовностью выслушивал самые длинные истории и давал нужные советы. Самым восхитительным было

Анна Малышева

именно его умение слушать. В самом ли деле он интересовался ее жизнью или умело делал вид, чтобы завоевать тем самым доверие, — это не имело значения. Главное — такой человек в ее жизни наконец появился, и женщина понимала, как отчаянно ей прежде его не хватало.

— Ты стала какая-то странная. — Намазав горчицей и прожевав очередной кусок бифштекса, муж снова испытующе взглянул на нее. — Улыбаешься часто, думаешь о чем-то, не слушаешь... ты не беременна, а?

Вопрос вызвал у Елены судорожный смех, и она не сразу остановилась, чем даже обидела Руслана. Успокоившись, женщина объяснила, что ее смешит вовсе не перспектива второй раз стать матерью его ребенка, а само предположение, что она могла решиться на это в тот миг, когда...

— Ты же сам знаешь, как нам сейчас непросто. — Елена не лгала, но при этом чувствовала себя отъявленной вруньяй, глядя в глаза мужу. — И твоя мама больна, и эти кредиты... И для Артема все время нужны деньги. Мальчику всего девять лет, а уже столько расходов!

— Ты что, жалеешь о деньгах, которые мы на него тратим? — разом ощетинился муж. Он мечтал о спортивной карьере для сына, о карьере, которая когда-то не состоялась у него самого, из-за того, что против был его отец, человек очень жесткий и не терпевший «лишних» расходов. К таким расходам ныне покойный свекор Елены причислял и занятия спортом, отчего Руслан, как он сам мрачно шутил, был обречен устанавливать и настраивать телевизионные антенны, чтобы люди могли смотреть футбол, вместо того чтобы самому гонять мяч по зеленому полю.

— Денег не жалко, — отмахнулась Елена. — Сам знаешь, для ребенка я готова на все. Но... У тебя не бывает ощущения, что мы погрязли в какой-то трясине? Мне вот всего тридцать два, а я чувствую себя старой-престарой, особенно вечером, после работы. Ты молчишь, я молчу, оба смотрим в телевизор... Ребенок далеко, уже

САЛОМЕЯ

зажил своей жизнью, и совсем непонятно, зачем мы с тобой тут сидим и порастаем мхом, как два гриба? Обидно...

После краткой паузы, на протяжении которой он что-то обдумывал, Руслан авторитетно заявил:

— Понятно, это Лерка тебя настраивает. У нее-то до сих пор свободного времени много было, все девочкой прокидывалась, возраст скрывала! А как родила, так вспомнила про свои тридцать два? Кстати, как она там? Не развелась еще?

Подругу жены Руслан терпеть не мог и ругал при каждом удобном случае. Он считал ее пустой и склонной особой, никак не годящейся в друзья, та платила той же монетой, не раз уверяя Елену, что она могла бы выйти замуж намного удачнее. «Настройщик антенн — что за муж для такой женщины, как ты? — возмущалась Лера. — Ты же писала стихи, ходила по выставкам, умела о чем-то мечтать! А теперь, посмотри на себя! Кто ты? Продавец-консультант в магазине-салоне для рукоделия! Продаешь бахрому, кружева и всякие прочие пуговицы! Это даже не профессия!»

Нападки подруги не слишком задевали Елену, потому что свою работу, при всем ее однообразии, та все же любила. Она сама отлично шила, умела мастерить разные вещицы из лоскутков и ленточек и считала, что это вполне женское дело — продавать тесьму, кружева и «прочие пуговицы».

— Неужели ты думаешь, что я стала бы поэтессой? — Только и возражала она, когда Лера заходила в своих критических нападках слишком далеко. — Это тоже было в своем роде рукоделие. Хорошо, я вовремя это поняла и не сделалась посмешищем... Вот что в самом деле стыдно — называть себя поэтом, подписываясь под какими-то корявыми виршами, иходить на сборища таких же гениев-неудачников.

— Договоривай уж. — Лера бросила на подругу обиженный взгляд. — На меня намекаешь?